

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Груздева*

Дизайн обложки *Н. Никоновой*

Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Сжигая за собой мосты / Татьяна Полякова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-102911-1

Старая узкая улочка в Венеции... Незнакомец в белом балахоне, мелькнувший в толпе... И бездыханное тело самого близкого человека — моего отца... Именно после смерти папы я узнала, что в нашей семье есть какая-то тайна. Пытаясь разгадать ее, и погиб мой отец. Ключ к ней — пачка старых писем и записная книжка. За ними идет настоящая охота. Теперь из родных у меня осталась только сестра. И вот когда мне нужно думать лишь о том, как остаться в живых, нас с сестрой угораздило влюбиться. По самые уши, да еще в одного и того же парня...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102911-1

© Полякова Т. В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Но только она одна может заставить его сердце плакать...

«Аль Пачино» («Банд'эрос»)

Отец хотел, чтобы я ехала первым классом. Он любил повторять: «Ты должна выбирать все самое лучшее». По мне, так и второй совсем неплох, вся разница в том, что в первом классе приносят скверный кофе, по крайней мере здесь, в скором поезде, на успевшем стать привычным отрезке пути от Болоньи до Венеции. Однако я все-таки купила билет в первый, зная, что отец будет встречать меня на вокзале и, разумеется, ему не понравится, что я его ослушалась.

Последнее время мы виделись не часто, уже четвертый год я жила в Италии, училась в Болонском университете. Отец остался в России, у него давно была другая семья. Моя мать умерла, когда мне было четырнадцать, с отцом они развелись через два года после моего рождения. Когда случилось несчастье, меня хотела забрать к себе тетка, но папа настоял, чтобы я жила с ним, то есть в его семье. Как ни странно, эти несколько лет теперь казались мне самыми счастливыми в моей жизни. Рядом был отец, сводная сестра, с которой мы очень подружились, несмотря на разницу в пять лет, что в таком возрасте весьма существенно. С Музой, женою отца, отношения сложились тоже на редкость хорошие. В общем, о том времени я неизменно вспоминала с большой теплотой. Это вовсе не значит, что в Италии мне жилось плохо. Нет. Напротив. Мне все здесь нравилось или почти все. Но семьи все-

таки не хватало, потому я при каждом удобном случае отправлялась домой и очень радовалась редким приездам отца.

Вчера он позвонил довольно поздно, ближе к одиннадцати вечера, и сообщил, что прилетел в Верону. Обычно о своем приезде он предупреждал заранее, и этот неожиданный звонок меня слегка удивил.

— Что-нибудь случилось? — на всякий случай спросила я.

— Нет, все в порядке, — поспешно ответил он. — Не смог отказать себе в удовольствии повидать тебя, оттого и собрался за три дня.

Отец занимался бизнесом, в Италии у него были деловые партнеры, так что его слова меня не удивили.

— У меня мало времени, я не смогу приехать в Болонью.

— Хочешь, чтобы я приехала? — спросила я.

— Хочу, только не в Верону, а в Венецию. У меня там встреча с одним человеком.

— Хорошо, я приеду, — ответила я.

— Извини, если нарушил твои планы, — засмеялся отец.

— Даже если бы и нарушил, я все равно очень рада, что увижу тебя.

В общем, это был ничем не примечательный разговор, и, отправляясь в Венецию, я и подумать не могла, чем закончится моя поездка.

Я пила скверный кофе, смотрела в окно и радовалась предстоящему свиданию. А еще пыталась угадать, как встретит меня Венеция. В смысле погоды этот город еще более непредсказуем, чем Санкт-Петербург, где я жила некоторое время до смерти мамы.

— Обещали солнце, — будто читая мои мысли, сказала сидящая рядом со мной дама лет семидесяти, поглядывая в окно.

Последний раз я была в Венеции месяц назад, в февралe. Тогда город окутал туман, да такой, что в двух метрах от себя ничего не увидишь. Прогулка не доставила мне удовольствия, и большую часть времени я провела в музеях.

Я достала книгу и, устроившись поудобнее, начала читать, то и дело возвращаясь мыслями к отцу. Жаль, что мы будем вместе всего несколько часов. Потом подумала, что впереди каникулы, я смогу поехать домой... Подруга предлагала отправиться в Париж, впрочем, эта поездка займет неделю, не больше, а потом к родным...

Поезд чуть сбавил ход, и за окном показалась ровная гладь воды под ярким мартовским солнцем. Санта-Лючия. Пассажиры оживились, самые нетерпеливые доставали багаж, дама рядом со мной удовлетворенно кивнула:

— Солнце. Прекрасный день.

Наконец поезд замер на перроне. Я вышла из вагона одной из первых и сразу же увидела отца. Он стоял в нескольких метрах от меня в светлом плаще нараспашку, махнул мне рукой и шагнул навстречу. Мы обнялись, поцеловались, он отошел на шаг, не выпуская меня из объятий, и сказал весело:

— Господи, какая ты взрослая... и настоящая красавица.

— Взрослая? — хихикнула я. — Хочешь сказать, что время быстро бежит и я уже успела постареть?

— В твоём возрасте, дорогая, смешно говорить о старости.

— В твоём тоже, — улыбнулась я.

— Лучше бы ты не напоминала об этом, — покачал он головой. — Грустно это сознавать, но твой отец уже старик, что бы ты ни говорила в припадке дочернего великодушия.

— Ты отлично выглядишь, — заверила я, ничуть не

покрывив душой. Отец отметил свое шестидесятилетие три года назад, но выглядел лет на десять моложе. Высокий, подтянутый, в темно-каштановых волосах седины почти нет, карие глаза смотрят на мир с любопытством. Янка, моя сестра, утверждала, что волосы отец красит; если это и так, то правильно делает.

Однажды в ресторане нас приняли за любовников, отца это разозлило, а мне, напротив, показалось забавным.

— Давай твои вещи, — сказал он, продолжая улыбаться.

— Какие вещи? У меня в рюкзаке только книга и бутылка воды.

— Путешествуешь налегке?

— Ты же сказал, что сегодня уедешь?

— Да, к сожалению.

Болтая, мы пересекли вокзал и вышли к каналу.

— Какие у тебя планы? — спросила я.

— В пять у меня встреча. До этого времени я свободен. Правда, есть еще небольшое дельце. Надо навесить одного знакомого, он живет тут неподалеку. Ты не против прогуляться?

— Нет, конечно. Рассказывай, как там Янка, как Муза?

— Подозреваю, о Янкиных делах ты знаешь больше, чем я. Судя по телефонным счетам, она звонит тебе каждый день.

— Трижды в неделю, — улыбнулась я. — И трижды звоню я.

— Рад, что у вас такие отношения, — серьезно сказал отец.

— Мы же сестры.

— Да, конечно. — Отец вдруг нахмурился. Теперь, приглядываясь к нему, я поняла, что он чем-то озабочен.

— У тебя правда все в порядке? — нерешительно спросила я.

— Конечно, — кивнул он. — Я не стал бы тебе врать. Ты ведь мой лучший друг.

По мосту мы перешли на другую сторону канала, нас сразу же подхватил поток туристов.

— Где живет твой знакомый? — задала я вопрос, стараясь не отстать от отца: он шел очень быстро, поглядывая по сторонам, точно кого-то высматривая в толпе.

— Всего в трех шагах отсюда у него антикварный магазин.

— Ты стал интересоваться антиквариатом? — удивилась я. Как ни странно, вопрос вызвал у отца легкое замешательство.

— Нет, просто хотел поболтать со знакомым.

Наличие у отца знакомых в Венеции меня удивило. За три с половиной года, что я в Италии, отец приезжал раз шесть, не больше, в основном в Верону, где, собственно, и находились его поставщики. По-итальянски отец говорил неплохо и в переводчике не нуждался, но, приезжая сюда, старался как можно больше времени проводить со мной. Он сказал «знакомый», следовательно, предстоящая встреча вряд ли будет деловой. Я хотела расспросить его об этом знакомом, но потом решила: не стоит, раз уж скоро я сама его увижу.

Пройдя вперед еще метров пятьсот, мы свернули направо и оказались в узкой улочке, где дома лепились друг к другу, а от окна до окна напротив можно было достать рукой. На ближайшем доме висела вывеска «Антиквариат», над дверью балкончик, заставленный горшками с геранью.

— Ну, вот мы и пришли, — кивнул отец на вывеску. — Послушай, ты ведь, наверное, голодна, нам нужно было сначала где-нибудь перекусить...

— Не волнуйся, с голода я не умру. Что у тебя здесь за знакомый? — все-таки не выдержала я.

— Сейчас узнаешь, — усмехнулся отец. — Занятный тип, кстати сказать.

Он первым направился к двери, толкнул ее, звякнул колокольчик, и мы вошли в маленький магазинчик. Комната метров тридцать была заставлена старой мебелью, на которой громоздились тарелки, горшки, подсвечники, вазы, старые куклы в затейливых платьях. На стенах висели гравюры вперемежку с фотографиями в изъеденных жучком деревянных рамах. Посреди всего этого хаоса стояла конторка, рядом с которой в кресле сидел сухонький старичок. Седые волосы в разные стороны, под ними видна кожа, покрытая крупными темно-коричневыми пятнышками. Лицо старика изрезано глубокими морщинами, довольно внушительных размеров нос, а вот рот был до того мал и узок, что с трудом угадывался. Самым замечательным у него были глаза: большие, с набрякшими веками, они не потеряли своей небесной синевы и казались на этом лице чем-то инородным, неприлично молодым. Выпуклый лоб украшали очки в роговой оправе.

Услышав, как звякнул колокольчик, старик повернулся к нам и водрузил очки на нос.

— Добрый день, — сказал он приветливо.

— Добрый день, — ответил отец, подойдя ближе.

Вне всякого сомнения, это не было встречей двух старых приятелей: до тех пор пока отец не подошел почти вплотную, старик вежливо улыбался, приглядываясь к нам, как видно приняв нас за потенциальных покупателей. Может, зрение у него было совсем плохим? И по голосу отца он тоже не узнал. Но улыбка сползла с его лица, как только папа представился. Старик кивнул, поднялся, опираясь на подлокотник кресла, и протянул ему руку.

— Наконец-то, — сказал он ворчливо.

— Извини, не смог приехать раньше, — ответил отец. — Как твои дела?

— До сих пор жив, как видишь, — засмеялся старик. — Чего еще желать в моем возрасте? Сердце на днях прихватило, боялся помереть раньше, чем ты появишься. Это твоя дочь? — кивнул он в мою сторону.

— Да. Что, похожа на меня?

— Не знаю. Просто вряд ли ты сюда привел бы кого-то другого.

— Бумаги у тебя? — спросил отец.

— Конечно.

К этому моменту я с большим интересом прислушивалась к разговору, он показался мне довольно странным, если не сказать загадочным. Отец посмотрел на меня и мягко предложил:

— Выбери себе что-нибудь на память.

Я сообразила, что от меня попросту хотят избавиться, и с некоторой обидой отошла к противоположной стене магазина. Обида была простибельна, я, как и большинство людей, любопытна. Отец склонился к старику, и тот очень тихо что-то говорил ему. Отец хмурился, время от времени кивая и делая вид, что разглядывает статуэтки на полке. Я наблюдала за ними. Он в очередной раз кивнул и выпрямился. Старик, сделав пару шагов к конторке, отпер ключом один из ящиков и достал обычный конверт из желтоватой бумаги и протянул отцу.

— Что-нибудь выбрала? — спросил тот, взяв конверт и поворачиваясь ко мне.

— Вряд ли мне захочется здесь что-нибудь купить.

Теперь я стояла рядом с отцом и хорошо видела конверт в его руках, он постукивал им по ладони и, похоже, совсем меня не слушал.

— Да? — с сомнением спросил он по-русски. — Жаль. Мне казалось, тебя что-нибудь заинтересует.

Больше всего в тот момент меня интересовал вопрос, что ему здесь понадобилось, но задавать его я не спешила, будет еще время. Отец, точно опомнившись, достал из внутреннего кармана пиджака другой конверт с названием отеля на нем и протянул его старику. Почему-то я была уверена, что в конверте деньги, и это еще больше заинтриговало меня. Старик взял его, высухая старческая рука с искалеченными артритом пальцами тоже была сплошь покрыта темными пятнами. Металлический браслет часов был ему великоват, часы сползли к самой кисти, и я обратила внимание на татуировку, которая до этого была скрыта под ними. Свастика. Я невольно нахмурилась. Старик убрал пакет в ящик конторки, а отец сунул свой в карман пиджака. Антиквар посмотрел на меня и улыбнулся.

— До свидания, — сказал ему отец и направился к двери.

Тот кивнул в ответ и опустил в кресло, вроде бы потеряв к нам интерес.

Мы вышли на улицу. Колокольчик за моей спиной вновь мелодично звякнул.

— За углом есть очень симпатичное кафе, — сказал мне папа. — Выпьем кофе, поговорим. Времени достаточно.

Я бы предпочла прогуляться, но наш визит к старику очень меня заинтриговал, и я согласно кивнула: задавать вопросы, сидя друг против друга в кафе, куда удобнее, это больше располагает к доверительной беседе.

В зале были заняты почти все столики, мы устроились возле окна, которое выходило на канал. Мимо прошла группа японских туристов, громко о чем-то разговаривая, их голоса были слышны даже здесь. Мы не спеша сделали заказ, официант отошел, улыбнув-

шись нам, а я отправилась мыть руки. Туалет находился за дверью в глубине зала. Возвращаясь, я увидела: отец держит в руках лист бумаги и внимательно что-то читает. Возле его локтя на столе лежал конверт, тот самый, что он взял у старика. Почувствовав мой взгляд, он обернулся, быстро свернул листок, убрал его в конверт и сунул в карман пиджака чересчур поспешно, будто не хотел, чтобы я его увидела.

— Меня просто распирает от любопытства, — засмеялась я, садясь напротив.

— Ты о чем? — делано удивился отец.

— Я и предположить не могла, что у тебя есть знакомые в этом городе.

— Вот как? — Отец пожал плечами, и стало ясно: он вовсе не собирается развивать эту тему.

— Занятный старик, — не отставала я: уж очень сильно было любопытство.

— Обычный, — усмехнулся отец.

— У него на руке татуировка. Ты заметил?

— Конечно. Не забывай, Италия — родина фашизма, так что это, скорее всего, грехи молодости.

— Он такой старый?

— Если не ошибаюсь, в сорок пятом ему было девятнадцать.

— Вы давно знакомы?

— Виделись до этого пару раз. Меня познакомил с ним приятель.

— Мне кажется, тебя раздражают мои расспросы, — помолчав, заметила я.

— Вотще нет, — покачал он головой и как-то странно посмотрел на меня. Точно прицениваясь. Или размышлял, стоит ли продолжать.

— Ты дал ему деньги?

На этот вопрос отец отвечать не спешил, уставился в окно, наблюдая за бесконечной вереницей туристов.

— Извини, что я так настойчива, — вздохнула я. — Просто... просто все это выглядело... необычно, — я с трудом нашла подходящее слово.

— Вот что, — вдруг сказал он, поворачиваясь ко мне. — Запомни, пожалуйста, следующее. Если вдруг рядом с тобой появится человек по фамилии фон Ланц... Макс фон Ланц... впрочем... — Отец опять от-вернулся к окну и замолчал.

— Фон Ланц? Имя какое-то опереточное, — сказала я, сгорая от любопытства, но теперь вместе с ним появилось беспокойство. Я смотрела на хмурое лицо отца, и беспокойство крепло, пока не вытеснило любопытство. — Папа, в чем дело? — сердито спросила я.

— Главное, чтобы ты помнила... — вздохнул он. — Этот человек враг. Мой враг. И твой тоже.

— Враг? — растерялась я. — У тебя неприятности?

— Нет-нет, — возразил он и улыбнулся, взял мою ладонь и легонько сжал ее. — Я, кажется, напугал тебя. Все в порядке. Я говорю это на всякий случай, чтобы ты знала. Вряд ли он появится здесь, и все же...

— Кто он такой? — не выдержала я. — Прекрати говорить загадками. Объясни, что происходит, что в этом конверте?

— Очень много вопросов, — засмеялся отец. — А я далеко не на все смогу ответить.

— Ты сказал, что он вряд ли здесь появится, — не отступала я. — А если все-таки появится, что я должна делать?

— Ничего, — развел он руками. — Просто знай, это враг.

— Ты разыгрываешь меня, да? — спросила я со зло-стью.

— Нет. Сейчас я не могу сказать тебе больше. У меня были предчувствия в отношении этого типа, сегодня они подтвердились.

— Ты имеешь в виду конверт, который передал тебе старик?

— Да. Я просил навести о фон Ланце справки, и вот... мои подозрения оказались не напрасными.

— Это касается твоего бизнеса? — нахмурилась я, не понимая, почему бы отцу не объяснить мне, в чем тут дело.

Он опять покачал головой.

— Бизнес здесь ни при чем. Пожалуй, мне не стоило... извини. Забудь о том, что я успел тут наговорить. Я сам ни в чем не уверен, обещаю, как только смогу, расскажу тебе все об этой истории, все, что сам знаю. Возможно, мне даже понадобится твоя помощь. Ты ведь свободно владеешь немецким?

— Да, — пожала я плечами.

— Молодец. А я с большим трудом могу изъясняться, — засмеялся он.

— Если хочешь, дам тебе несколько уроков, — улыбнулась я.

— Непременно. У тебя талант к языкам.

— Ага. Но мой английский оставляет желать лучшего.

— Уверен, ты преувеличиваешь. Как твоя учеба?

Мне стало ясно, что отец спешит перевести разговор на другую тему, я досадливо поморщилась, но возражать не рискнула, очень хорошо его зная: если он решил молчать, приставать к нему с расспросами напрасный труд. Но беспокойство не проходило, и я все-таки спросила:

— У тебя действительно все в порядке?

— Я бы не стал от тебя скрывать, будь иначе, — серьезно ответил он. — Все это касается... — Он замолчал. — Это имеет отношение к моей матери, твоей бабушке. Давняя история, которая не дает мне покоя. Сейчас появилась возможность в ней покопаться.